

An anime-style illustration of a young woman with long, blonde hair styled in a high ponytail with a black bow. She has bangs and is looking over her shoulder with a serious expression. She is wearing a dark blue or black school uniform with a white collar and a large red bow at the waist. The background features out-of-focus red leaves, possibly from a Japanese maple tree, and a stone wall.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ДЕТЕКТИВ МАРУСЯ
- ИГРА БЕЗ ЛИЦА

Сергей Патрушев

Детектив Маруся

- Игра без лица

<https://litres.ru/74376609>

SelfPub; 2026

Аннотация

В королевстве, где магия Хаоса подступает к границам, исчезает легендарный воин Ратмир — Хранитель Границы, чья сила сдерживает тьму. Король тайно призывает Марусю, лучшую "решальщицу проблем", и даёт ей девять дней, чтобы найти героя, пока Совет Лордов не объявил его мёртвым и не вверг страну в гражданскую войну.

Маруся — мастер перевоплощений, тень, умеющая быть незаметной. Ей предстоит пройти путь от торговли на рынке до таинственной незнакомки на королевском балу, распутывая клубок интриг, древних пророчеств и магических тайн, но чем ближе она к разгадке, тем яснее понимает: Ратмир не просто пропал, он ушёл добровольно, чтобы исполнить древний долг перед тьмой.

В этом опасном путешествии рядом с ней оказывается наглый, но обаятельный капитан городской стражи, который видит её настоящую за всеми масками. И пока время неумолимо истекает,

Марусе предстоит не только спасти королевство, но и разобраться в собственном сердце.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. День 1: Торговые ряды	23
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Патрушев

Детектив Маруся

- Игра без лица

Пролог.

Ночь в Верхнем городе пахла не так, как в Нижнем. Здесь, на высоте, где камень мостовых был отполирован до блеска шагами патрулей и колесами дорогих экипажей, воздух казался стерильным. Из Нижнего города, от реки, тянуло дымом и дешёвым элем, но сюда, к шпильям королевского замка, этот запах не доходил. Его отсекали высоченные стены и магические барьеры, натянутые над зубцами, как невидимая паутина.

Маруся шла по пустой улице и звук её шагов, мягкий, почти кошачий тонул в густой тишине. Она не любила Верхний город. Слишком много фальши. Здесь улыбались в лицо, а нож в спину всаживали с поклоном. В Нижнем городе всё было проще: если тебя хотят убить, ты видишь это в глазах противника за мгновение до удара. Если хотят обмануть — слышишь фальшь в голосе. А здесь... здесь ложь стала искус-

ством, возведённым в ранг добродетели.

Она поправила капюшон, низко надвинув его на лоб. Ей не нужно было, чтобы её узнали, особенно этой ночью. Приказ был странным. Даже не приказ — просьба, переданная через цепочку из трёх посредников, каждый из которых рисковал головой. "Приходи одна. Ночью. Через восточные ворота. Пароль — "падающая звезда". Не говори никому". Король вызывал её. Сам король.

Маруся не была придворной, не рыцарем, не даже официально зарегистрированным членом гильдии наёмников. Она была тем, кого называли "решальщицей проблем" — если проблема была настолько серьёзна, что обычные методы не работали, если нужно было сделать то, о чём потом не говорят вслух, звали таких, как она, но король никогда не обращался к таким, как она, напрямую. Для этого существовали советники, канцлеры, тайные службы. Обращение напрямую означало одно: то, что должно было быть сказано, не должно было достичь ушей даже самых доверенных лиц. И это пугало.

Она миновала последний ряд домов, принадлежавших младшей знати и вышла к восточным воротам замка. Массивные створки из чёрного дуба, окованные железом, были закрыты. Над ними, в сторожевой башне, горел одинокий

огонёк. Маруся остановилась на границе света, падавшего от масляного фонаря, и замерла.

Тишина. Слишком тихо. Даже для ночи. Она прислушалась. Где-то далеко, в казармах, слышался приглушенный смех стражи. Ветер шелестел листьями плюща, оплетавшего стену, но над воротами ни звука, ни шагов часового. Это могло быть ловушкой. Всё внутри неё кричало: уходи. Разворачивайся, уходи, исчезни в ночи, забудь о короле. Ты не для этого создана. Ты не играешь в эти игры. Ты выживаешь. Но она не ушла.

Маруся сделала шаг вперед, выходя из тени. Её фигура, закутанная в темный плащ, с капюшоном, скрывающим лицо, отразилась в полированной поверхности ворот, как смутный призрак. Она подняла руку и трижды стукнула в дерево костяшками пальцев. Звук вышел глухим, низким, прокатился по стене и замер.

Ничего. Она ждала. Секунды тянулись, превращаясь в минуты. Внутри неё росло напряжение, сжимая пружину готовности. Левая рука незаметно скользнула под плащ, нащупав рукоять метательного ножа. Правая, свободная, оставалась расслабленной, готовая в любой момент выхватить короткий меч, висевший на бедре.

За воротами скрипнуло. Маленькая калитка, врезанная в толщу створки, приоткрылась — ровно настолько, чтобы в щели показалось бледное лицо.

— Пароль? — голос был тихим, хриплым, как будто говоривший не пользовался им много дней.

— Падающая звезда, — ответила Маруся.

Калитка отворилась шире и она скользнула внутрь, в темноту замкового двора. Человек, встретивший её, был облачен в серый плащ с капюшоном, скрывавшим черты лица почти так же надёжно, как её собственный. Он не сказал больше ни слова. Просто развернулся, пошёл и Марусе не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Они шли через узкие переходы, сады, где цветы, казалось, были чёрными в лунном свете. Маруся не узнавала этих мест. Она бывала в замке всего несколько раз и то по официальным делам, когда её нанимали для охраны кого-то из знати. Теперь же они двигались какими-то чёрными ходами, лестницами, вырубленными в толще стен и она потеряла счёт поворотам. Наконец проводник остановился перед неприметной дверью. Он отодвинул тяжёлый засов и дверь бесшумно отворилась, явив тёмную комнату.

— Входите — сказал проводник. — Ждите.

Маруся перешагнула порог. Дверь за ней закрылась так же бесшумно, и она услышала, как засов встаёт на место. Она оказалась запертой. Комната была маленькой, без окон. Стены, казалось, были выложены из грубого камня, не покрытого штукатуркой. Единственным источником света служила одинокая свеча на массивном дубовом столе. В углу стояло кресло с высокой спинкой, повёрнутое к стене. В остальном комната была пуста.

Маруся огляделась, фиксируя каждую деталь: толщину стен, высоту потолка, расположение свечи, кресла, двери. Выходов не было. Только тот, через который она вошла, но она знала, что камень на замковых стенах обманчив и за ним вполне мог скрываться потайной ход.

Она стояла, не двигаясь, прислушиваясь. Прошло, наверное, минут десять или пятнадцать. Время в этой комнате, лишённой естественного света, текло иначе. Маруся чувствовала, как внутри неё нарастает глухое раздражение, смешанное с тревогой. Ей не нравилось быть запертой. Наконец, она услышала звук едва уловимый, похожий на шорох ткани. Кресло в углу медленно развернулось.

В нём сидел король. Маруся узнала его, хотя видела до этого лишь на монетах и в официальных портретах, но здесь,

в полумраке, отбрасываемом единственной свечой, он выглядел старше, измождённое. На его лице, обычно таком надменном и непроницаемом, сейчас лежала печать усталости. Глаза, тёмные и глубокие, смотрели на неё с выражением, которое она меньше всего ожидала увидеть у короля с плохо скрываемым отчаянием.

— Вы — Маруся? — спросил он. Голос его был низким, с хрипотцой, выдававшей бессонные ночи.

— Да, ваше величество, — ответила она, сдержанно поклонившись.

Король помолчал, разглядывая её. Его взгляд скользнул по её лицу, по фигуре, задержался на рукояти меча, выглядывавшей из-под плаща.

— Мне говорили, вы — лучшая. Что вы не задаёте лишних вопросов и умеете находить то, что потеряно.

— Это зависит от того, что потеряно — осторожно ответила Маруся.

Король медленно поднялся с кресла. Он оказался невысоким, но в его движениях чувствовалась та особенная тяжесть, которая свойственна людям, привыкшим повелевать.

Он подошёл к столу и оперся на него ладонями, глядя на пламя свечи.

— То, что будет сказано в этой комнате — начал он — не должно покинуть её стен. Ни одно слово. Вы понимаете?

— Понимаю, ваше величество.

— Даже если вы откажетесь от задания — продолжил король — вы будете связаны этой клятвой. Нарушение будет караться смертью.

Маруся выдержала его взгляд.

— Я ещё не слышала задание.

Король усмехнулся, но улыбка вышла горькой.

— Вы дерзки. Это хорошо. Нам понадобится кто-то с характером.

Он снова замолчал, как будто собираясь с мыслями. Маруся терпеливо ждала.

— Ратмир, — произнёс наконец король, и это имя прозвучало в тишине комнаты, как удар колокола. — Рыцарь-за-

щитник, Хранитель Границы. Вы знаете это имя?

— Его знает каждый в королевстве — ответила Маруся и это было правдой. Ратмир был легендой. Героем, о котором пели песни в тавернах и слагали баллады при дворе. Он был щитом, закрывавшим королевство от ужасов Хаоса, от тварей, ползущих из-за Границы, от магии, что могла свести с ума и исказить саму реальность.

— Хранитель Границы, — повторил король, словно пробуя слова на вкус. — Легенда. Символ. Он был им, но теперь он пропал.

Маруся не вздрогнула, не выказала удивления. Этого она и ожидала. Или чего-то подобного.

— Когда? — спросила она.

— Сорок три дня назад, — ответил король. — Он отправился в очередной рейд за Границу. Небольшой отряд, верные люди. Он делал это регулярно. Прочёсывал приграничные земли, уничтожал очаги прорывов, следил за активностью Хаоса, но в этот раз он не вернулся.

— Сорок три дня — задумчиво проговорила Маруся — Это долго. Почему вы ждали так долго, прежде чем начать

поиски?

Король метнул на неё острый взгляд.

— Поиски велись — резко сказал он — Сразу же, как только стало ясно, что он не вернулся в назначенный срок. Я посылал отряды. Лучших следопытов. Они вернулись ни с чем. Некоторые не вернулись вовсе.

Он замолчал и Маруся увидела, как его пальцы сжались в кулаки.

— Вы должны понять — продолжил он тише — Ратмир — это не просто человек. Он опора. Оплот. Его магия сдерживает напор Хаоса у Границы. Его имя удерживает в узде амбиции знати. Его присутствие гарантия того, что королевство не погрузится в хаос. Не тот Хаос, что за Границей, а тот, что в сердцах людей.

Маруся понимала. Она видела, как города на востоке уже начинали чувствовать на себе дыхание перемен. Слухи о пропавшем герое расползались, как трещины по льду и каждая из них грозила обернуться пропастью.

— Зачем я вам? — спросила она напрямую. — У вас есть армия, маги, тайная полиция. Почему вы зовёте меня?

Король выпрямился и посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что мои люди скомпрометированы, ведь среди них есть предатели. Потому что каждый мой шаг известен тем, кто хочет, чтобы Ратмир не вернулся. Вы — тень и не связаны с двором, с армией, с магистратом. Вас никто не знает в лицо. Вам можно поручить то, что нельзя поручить никому другому.

— Вы уверены, что это не ловушка? — спросила Маруся.
— Может быть, он погиб и вы просто боитесь признать очевидное?

Король медленно покачал головой.

— Он не погиб.

— Откуда такая уверенность?

Король на мгновение заколебался. Затем, словно приняв решение, он запустил руку в складки своего плаща и извлек небольшой предмет. Он положил его на стол, рядом со свечой.

Это был кулон. Простой серебряный медальон на тонкой

цепочке. На его поверхности был выгравирован символ — звезда с семью лучами, перечеркнутая горизонтальной линией.

— Это амулет Ратмира — сказал король. — Он никогда не снимал его. Говорят, этот амулет — часть его силы, связывающая его с орденом Хранителей.

— И что? — спросила Маруся.

— Он тёплый — ответил король. — Три дня назад этот амулет начал теплеть. Слабо, едва уловимо, но он теплеет, словно в нём ещё теплится жизнь. Маги, которые его исследовали, говорят, что это может означать только одно: Ратмир жив. Где-то. Но он не может или не хочет вернуться.

Маруся смотрела на кулон. Она чувствовала исходящую от него слабую, почти незаметную вибрацию, как будто отдаленное эхо далекого грома. Это была магия, но не та, что она привыкла чувствовать за Границей. Эта была чистой, упорядоченной, но в то же время... угасающей.

— Если он жив, почему он не подал знак? — спросила она. — Он же мог передать весть, как-то сообщить о себе.

Король развел руками.

— Вот это вам и предстоит выяснить.

Он снова помолчал, собираясь с духом.

— Через девять дней — произнёс он медленно — состоится Совет Лордов. На нём будет решаться вопрос о... о преемственности власти. Лорды требуют объявить Ратмира мёртвым и избрать нового Хранителя Границы. Или они сами выберут того, кто займет это место. А это будет означать войну. Потому что каждый из них мечтает посадить на трон своего ставленника.

— А вы не можете этому помешать? — спросила Маруся.

— Могу, но моя власть не безгранична. Король без Хранителя — как меч без ножен. Лорды это знают. Они уже плетут заговоры, объединяются в союзы, готовят почву для переворота. Если к Совету Лордов я не предъявлю им Ратмира — живого или... или хотя бы доказательства того, что он жив — они объявят трон вакантным. И начнется гражданская война. Королевство, ослабленное внутренними распрями, не выстоит перед напором Хаоса.

Он замолчал и в комнате повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Маруся слышала, как где-то вдалеке, за толстыми сте-

нами замка ухает сова. Пламя свечи дрогнуло, заставив тени на стенах заплясать, словно в насмешку.

— У вас есть зацепки? — спросила она наконец.

— Немного — ответил король. — Последний раз его видели в районе деревни Ветровка, у самой Границы. Он там останавливался на ночь перед тем, как уйти за пределы. Больше никто его не видел. Но... — он запнулся. — Ходят слухи, что незадолго до исчезновения Ратмир получил какое-то послание. От кого — неизвестно. Что в нём было — неизвестно, но после этого он стал сам не свой. Замкнулся, перестал отвечать на письма, даже королевские. А потом собрался и ушёл.

— Вы думаете, это было западней? — спросила Маруся.

— Я думаю, — медленно произнес король, — что его заманили. Что кто-то знал, как его выманить, как заставить его уйти одному. И я думаю, что этот кто-то находится здесь, в королевстве. Среди нас.

Маруся молчала, обдумывая услышанное. Задача была сложной. Слишком много неизвестных, слишком мало времени, слишком высокая цена ошибки. Она уже чувствовала, как вокруг неё сжимается невидимое кольцо, как будто она

оказалась в центре паутины, из которой нет выхода.

— Что, если я не смогу найти его за девять дней? — спросила она прямо.

Король посмотрел на неё и в его глазах она прочла ответ раньше, чем он заговорил.

— Значит, вы не вернётесь.

— Это угроза?

— Это констатация факта. Если вы не найдёте его, королевство падёт а вместе с ним падёте и вы. Так что у вас нет права на ошибку.

Маруся усмехнулась про себя. Право на ошибку. Как будто у неё когда-то было это право. Вся её жизнь была чередой ошибок, которые она каким-то чудом умудрялась исправлять в последний момент. Но сейчас... сейчас всё было иначе.

— Что я получу взамен? — спросила она.

Король поднял бровь.

— Вы смеете торговаться со своим королем?

— Я не ваша подданная, ваше величество. Я наёмница и у меня есть цена.

Король долго смотрел на неё, затем медленно произнес:

— Назовите её.

Маруся помедлила. Она знала, что попросить. То, что она хотела, не могло быть куплено за золото.

— Свободу — сказала она. — Официальную. Меня разыскивают в трёх провинциях за... за разные вещи. Я хочу, чтобы все обвинения были сняты. И я хочу бумагу за вашей подписью, гарантирующую мне неприкосновенность.

— И всё? — удивился король.

— И оплату расходов. Они будут немалыми.

Король кивнул.

— Справедливо. Считайте, что договорились. Все бумаги будут готовы к вашему возвращению. Если вы вернётесь с Ратмиром.

— Я вернусь — сказала Маруся.

Она сама не знала, откуда взялась эта уверенность, но слова сорвались с губ раньше, чем она успела их остановить. Король выпрямился, и в его осанке снова проявилась та власть, что была свойственна ему на официальных приёмах.

— Тогда ступайте. У вас есть девять дней. Начиная с этой ночи. Я дам вам всё, что у меня есть по этому делу. Имена, места, карты. Всё.

Он взял со стола амулет и протянул его Марусе.

— Возьмите. Говорят, он чувствует близость своего хозяина. Возможно, он приведёт вас к нему. Или хотя бы укажет направление.

Маруся осторожно взяла кулон. Металл был тёплым, почти горячим. Она почувствовала, как по её пальцам пробежала дрожь не от холода, а от чего-то иного. Отголосок чужой силы, чужого присутствия.

Она сжала амулет в кулаке и посмотрела на короля.

— Девять дней — повторила она. — Я найду его.

Король не ответил. Он просто смотрел на неё. В его тёмных глазах она увидела отблеск пламени свечи, похожий на крошечную искру надежды. Маруся развернулась и пошла к двери. Засов с той стороны уже был отодвинут. Проводник, всё такой же молчаливый, ждал её в коридоре. Он провёл её обратно тем же путем, через лабиринты замковых переходов, через сады, где чёрные цветы шептались о чём-то на языке ветра, через дворы, залитые лунным серебром. У восточных ворот он открыл перед ней калитку и исчез в темноте, не проронив ни слова.

Маруся шагнула за стены замка и вдохнула полной грудью. Холодный ночной воздух обжег лёгкие, принося с собой запахи города — дым, реку и приключения. Она стояла на границе света и тени, сжимая в руке амулет, теплившийся, как уголек.

Девять дней. Эти слова звучали в её голове, как приговор. Она знала, что шансы найти легендарного воина, пропавшего без вести сорок три дня назад, были ничтожно малы. Она знала, что, скорее всего, идёт на верную смерть, но что-то внутри неё то ли азарт, то ли проклятое любопытство, то ли просто желание выжить, заставляло двигаться вперёд.

Маруся подняла глаза к небу. Где-то там, за пеленой об-

лаков, прятались звёзды. Одна из них, как ей показалось, на мгновение сорвалась и полетела вниз, оставляя за собой огненный след. Падающая звезда. Она усмехнулась и её усмешка вышла похожей на оскал. Игра началась и у неё не было права на ошибку.

Глава 1. День 1: Торговые ряды

Утро встретило Марусю запахом тухлой рыбы и мокрой шерсти. Этот запах был настолько густым и всепроникающим, что, казалось, его можно было резать ножом, как студень. Он пропитывал одежду, волосы, саму кожу, забирался в ноздри и оставался там на долгие часы, напоминая о себе даже тогда, когда человек уже давно покинул пределы рынка. Маруся стояла, привалившись плечом к шершавой, грубо отесанной каменной стене какого-то пакгауза, и наблюдала, как просыпается это невероятное, многоголовое, многоголовое чудовище, именуемое в народе Торговыми рядами Нижнего города. Она вдыхала этот воздух медленно, размеренно, позволяя своим легким привыкнуть к нему, а своему разуму — настроиться на тот особый лад, который требовался для выживания в подобном месте.

Рынок в Нижнем городе просыпался рано — задолго до того, как первые, еще робкие и бледные лучи солнца пробивались сквозь густую пелену дыма, висевшую над кривыми, словно пьяными, крышами бесчисленных лачуг, домов и складов.

Этот дым, смешанный с утренним туманом, поднимав-

шимся от реки, создавал ту особенную, почти осязаемую дымку, в которой все предметы и люди теряли свои четкие очертания, становясь похожими на призраков из старых легенд. Маруся любила это время суток — время, когда мир еще не до конца проснулся, когда граница между сном и явью была особенно тонкой, когда можно было почувствовать себя невидимой, растворенной в этом сером мареве, еще одним силуэтом среди сотен других таких же силуэтов.

Торговые ряды Нижнего города занимали поистине огромную площадь, стиснутую между величественной, но обмелевшей за последние годы рекой Серебрянкой и крутым, почти отвесным холмом, на вершине которого, словно корона на голове старика, возвышался Верхний город с его белокаменными дворцами, храмами и особняками знати.

Это был лабиринт из сотен, если не тысяч деревянных прилавков, палаток, навесов, лавок, лавчонок и просто расстеленных прямо на земле тряпок с товаром, лепившихся друг к другу так плотно, что между ними едва можно было протиснуться одному человеку, не говоря уже о телеге или выючном животном. Здесь продавали всё, что только можно было вообразить, и даже то, что вообразить было трудно: от свежей рыбы, которую выгружали прямо с лодок, причаливавших к деревянным мосткам у восточной оконечности рынка, до экзотических специй, привезенных караванами с

далекого, загадочного юга, где, по слухам, солнце светило так ярко, что плавало медь, а небо было цвета расплавленного золота.

Здесь можно было купить краденое серебро у сомнительного типа с бегаящими, воспаленными глазами, который то и дело нервно оглядывался через плечо, и тут же, буквально через три прилавка, заказать молитву за упокой души у благообразного монаха с постным лицом и четками из потемневшего дерева. Здесь можно было найти древние манускрипты, за которые библиофилы из Верхнего города отдали бы целое состояние, и рядом с ними — грубо сработанные подделки, которые не обманули бы и слепого.

Здесь пахло всем сразу: рыбой, специями, потом, гниющими овощами, дешевым кислым вином, выделанной кожей, дымом кузнечных горнов, благовониями из храмовых лавок, мокрой шерстью, смолой, дегтем и еще сотней других запахов, которые, смешиваясь в самых причудливых пропорциях, создавали ту неповторимую, характерную вонь, которую невозможно было спутать ни с чем на свете. Это был запах жизни во всех ее проявлениях — грубой, неприкрашенной, бьющей ключом, не знающей усталости и пощады.

Маруся поправила платок на голове — простой, серый, из грубой овечьей шерсти, какой носили дочери небогатых

торговцев и ремесленников по всему королевству.

Этот платок был не просто частью маскировки, но и своего рода униформой, пропуском в мир простых людей, тех, кто не мог позволить себе шелка и бархат, но и не опустился до лохмотьев нищих. Её наряд был подобран с величайшей тщательностью: платье из добротной, но отнюдь не дорогой ткани, поношенное ровно настолько, чтобы выглядеть правдоподобно, но не вызывать брезгливости или жалости. Цвет платья был неопределенным — нечто среднее между выцветшим коричневым и тусклым серым, — что позволяло ей сливаться с толпой, не выделяться, оставаться незаметной.

Плащ из простого сукна, накинутый на плечи, скрывал очертания фигуры и, что еще важнее, скрывал небольшие, но смертоносные предметы, спрятанные в потайных карманах. Стоптанные кожаные башмаки, прошедшие не одну сотню миль, выглядели именно так, как выглядит обувь человека, привыкшего к долгим пешим переходам, но не имеющего лишних денег на новую пару. В руке она держала узелок с завтраком — куском черствого хлеба, головкой лука и ломтем соленого сала, — который должен был завершить образ провинциальной простушки, приехавшей в столицу за покупками.

Ни оружия на виду, ни каких-либо предметов, которые могли бы выдать в ней кого-то иного, кроме той, за кого она себя выдавала. Впрочем, отсутствие видимого оружия вовсе не означало его отсутствия: в потайных карманах плаща лежали два метательных ножа, а в подкладке — тонкая, но прочная удавка. Но об этом знала только она сама.

Дочь разорившегося купца, приехавшая в столицу закупать ткани.

Легенда была простой, правдоподобной и, что самое главное, проверяемой. Отец — купец средней руки из провинциального городка под названием Красные Холмы, расположенного в трех днях пути к северо-востоку от столицы. Разорился из-за неурожая, случившегося два года назад, и череды неудачных сделок, последовавших за этим. Семья на грани нищеты, кредиторы наседают, дом вот-вот пойдет с молотка.

Последняя надежда — закупить в столице партию дешевых, но качественных тканей, которые можно будет перепродать с небольшой, но достаточной для спасения наценкой. Таких, как она, на рынке были десятки, если не сотни. Молодые женщины, приехавшие в столицу в поисках удачи, с горящими от надежды глазами и тугими кошельками, которые они прижимали к груди, как величайшее сокровище. Они

были повсюду: у прилавков с тканями, у лавок с пряностями, у рядов с посудой и скобяными изделиями. Они торговались до хрипоты, вздыхали над ценами, пересчитывали монеты, советовались друг с другом и с торговцами. Они были частью этого рынка, его плотью и кровью, и Маруся легко могла затеряться среди них, стать одной из многих, невидимой и неинтересной.

Она вдохнула поглубже, задержала дыхание на несколько секунд, а затем медленно выдохнула, чувствуя, как напряжение, скопившееся в мышцах, постепенно уходит. Она знала, что это лишь временное затишье перед бурей, но научилась ценить даже такие краткие моменты спокойствия. И затем, поправив узелок в руке и набросив на лицо выражение легкой растерянности, смешанной с любопытством, она шагнула в толпу.

Торговые ряды встретили её оглушительным шумом, который обрушился на неё, как лавина, грозя смять, раздавить, лишить способности думать и ориентироваться. Гвалт стоял поистине невообразимый: купцы расхваливали свой товар на все лады, перекрикивая друг друга, их голоса сливались в единый, непрерывный гул, из которого, словно острые шпили из тумана, вырывались отдельные слова и фразы: "Свежая рыба! Только что из реки!", "Шерсть! Лучшая шерсть в Нижнем городе!", "Специи с далекого юга! Корица,

гвоздика, кардамон!", "Кому ножи? Ножи от лучших кузнецов!" Покупатели торговались до хрипоты, их голоса то взлетали до визгливых нот, то опускались до угрожающего шепота, а иногда переходили в откровенную ругань, когда стороны не могли прийти к соглашению.

Разносчики, юркие мальчишки и девчонки с лотками, полными пирожков, вареных яиц, сладостей и прочей снеди, выкрикивали названия своих товаров, их голоса звенели, как колокольчики, пробиваясь сквозь общий шум. Где-то в глубине рынка, у рыбных рядов, дрались чайки, оравшие так, словно их резали, и этот пронзительный, режущий ухо крик добавлял в общую какофонию еще одну, самую неприятную ноту. Маруся позволила этому шуму омыть себя, раствориться в нем, стать его частью. Она научилась этому давно — сливаться с окружением, становиться незаметной, быть просто еще одним лицом в толпе, еще одним телом, движущимся в общем потоке. Это было искусство, которому её обучили в первые же месяцы службы, и она довела его до совершенства.

Она не спешила. Спешка была врагом разведчика, она заставляла совершать ошибки, упускать детали, привлекать внимание. Маруся знала, что поспешность — плохой помощник в таком деле, как поиски пропавшего человека, особенно в таком месте, как рынок Нижнего города, где каж-

дый второй мог оказаться соглядатаем, а каждый третий — доносчиком. Сначала нужно было осмотреться, понять расклад, выяснить, кто здесь главный, кого стоит остерегаться, а к кому можно подойти с вопросом, не опасаясь, что тебя сдадут городской страже или, что еще хуже, людям Лордов-Наместников. Маруся медленно шла вдоль рядов, делая вид, что разглядывает товары: то останавливалась у прилавка с глиняной посудой, то у лотка с деревянными игрушками, то у лавки, где продавали выделанные шкуры.

На самом деле её глаза фиксировали всё: расположение выходов с рынка, количество и расположение стражников, их вооружение и манеру несения службы, выражения лиц торговцев, их жесты, их манеру общения с покупателями. Она отмечала, кто из торговцев выглядит уверенно и спокойно, а кто нервничает, оглядывается по сторонам, вздрагивает при каждом громком звуке. Она замечала, кто из покупателей пришел сюда действительно за покупками, а кто — лишь делает вид, что интересуется товаром, на самом же деле наблюдая за происходящим. Она видела карманников, работающих в толпе, видела нищих, расположившихся у входов, видела проституток, прогуливающихся по главным проходам в поисках клиентов. Рынок был живым организмом, сложным и многогранным, и Маруся должна была понять его устройство, прежде чем начать действовать.

Рынок был нервным. Это чувствовалось в воздухе, в движениях людей, в их голосах, в их взглядах. Слишком много людей оглядывались по сторонам. Слишком часто разговоры прерывались, когда кто-то проходил мимо. Слишком много шепотов, слишком много взглядов, брошенных исподлобья. Слухи о пропавшем Хранителе, которые уже несколько дней будоражили весь город, докатились даже сюда, в самое сердце Нижнего города, и они делали людей осторожными, подозрительными, готовыми в любой момент сорваться с места и бежать. Хранитель Ратмир был не просто чиновником или магом на службе короля — он был символом, оплотом, тем человеком, который стоял на страже Границы, защищая королевство от ужасов, таившихся за ней. И его исчезновение воспринималось многими как начало конца, как предвестник неминуемой катастрофы. Люди боялись, и этот страх, словно зараза, расползался по городу, проникая в каждый дом, в каждую лавку, в каждое сердце.

Маруся остановилась у прилавка, где торговали тканями. Лавка принадлежала какому-то толстому купцу с красным, лоснящимся лицом и засаленной, всклокоченной бородой, в которой запутались крошки от недавнего завтрака. Он сидел на высоком табурете, обмахиваясь большим веером из пальмовых листьев, и лениво поглядывал на проходящих мимо, не утруждая себя зазывать покупателей. Товар у него был неплохой — шерсть разных цветов, лен, немного шелка, при-

везенного с юга, который переливался на солнце всеми цветами радуги. Маруся подошла ближе, делая вид, что изучает рулон темно-синей шерсти, который лежал на самом краю прилавка. Она провела пальцами по ткани, оценивая её качество, и прикинула в уме цену, за которую такую шерсть можно было бы перепродать в провинции.

— Почём? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал неуверенно, с легкой дрожью, как и положено провинциалке, впервые оказавшейся в столичном рынке.

Купец лениво скосил на неё глаза, оценивая её платежеспособность. Его взгляд, холодный и цепкий, скользнул по её платью, по узелку, по лицу, задержался на мгновение на её руках — не слишком ли они ухожены для дочери разорившегося купца? — и он, видимо, решил, что на такой покупательнице много не заработаешь. Его губы скривились в пренебрежительной гримасе.

— Три серебряных за локоть, — буркнул он, даже не потрудившись встать или хотя бы наклониться к покупательнице.

— Три? — Маруся сделала вид, что возмущена, её брови взлетели вверх, а на щеках появился румянец. — Да за такие деньги я у себя в городе три таких рулона куплю! Вы, верно,

шутите, господин купец?

— Ну и езжай к себе в город, — равнодушно ответил купец, даже не взглянув на неё. — Раз там так дешево, чего же ты сюда приехала?

Маруся фыркнула, как и подобает обиженной провинциалке, чьи надежды на выгодную сделку были грубо растоптаны, и отошла от прилавка. Первый контакт был установлен. Она не узнала ничего конкретного, но получила подтверждение того, что рынок живет своей обычной жизнью, что торговцы не слишком напуганы, чтобы отказываться от покупателей, и что легенда работает. Теперь нужно было найти нужного человека.

По слухам, собранным её осведомителями за последние два дня, Ратмира в последний раз видели именно здесь, на рынке. Он искал какой-то редкий артефакт — что-то, связанное с его магией, с защитой Границы, что-то, что могло усилить его способности или, наоборот, защитить от какого-то нового вида угрозы.

Он приходил на рынок несколько раз, расспрашивал торговцев, перекупщиков, менял, всех, кто мог знать о появлении в городе редких и необычных предметов. И, по словам осведомителей, однажды он разговаривал со стариком-меня-

лой, который держал лавку где-то в восточной части рынка, ближе к реке. Этот меняла был известен тем, что знал всё обо всем, что происходило не только на рынке, но и во всем Нижнем городе. Его лавка была своего рода неофициальным информационным центром, куда стекались слухи, сплетни и новости со всех концов королевства.

Маруся знала, что искать менялу нужно в восточной части. Там, ближе к реке, располагались лавки, где меняли валюту, выдавали ссуды под проценты, скупали краденое и занимались прочими не слишком почтенными, но чрезвычайно прибыльными делами. Это было мрачное, полутемное место, где даже днем царил полумрак из-за нависавших над узкими проходами балконов, навесов и просто кусков ткани, растянутых между домами. Здесь было тише, чем в центральной части рынка, и эта тишина, нарушаемая лишь приглушенными голосами и осторожными шагами, казалась почти зловещей. Здесь не было громких зазывал, не было толпы, не было веселой суеты. Здесь царила атмосфера тайны, опасности и скрытых сделок. Здесь люди говорили шепотом, оглядывались по сторонам и прятали лица под капюшонами.

Она шла, лавируя между тележками, груженными товаром, между носильщиками, тащившими на спинах огромные тюки с шерстью, мешками с зерном и ящиками с неизвестным содержимым, между торговцами, которые хватали её

за рукав, предлагая свой товар с настойчивостью, граничащей с агрессией. Она уворачивалась, отмахивалась, мотала головой, изображая из себя ту, что не поддастся на уговоры, сколько бы их ни было. Это было утомительно. Пот стекал по спине, платье прилипало к телу, а вонь рынка становилась всё сильнее, сгущаясь в непроглядную пелену, которая забила ноздри и мешала дышать. Маруся ускорила шаг, стремясь поскорее покинуть этот шумный муравейник и попасть в более спокойное место.

Наконец она добралась до нужного места. Восточная часть рынка встретила её тишиной, которая после оглушительного шума центральных рядов казалась почти осязаемой, почти давящей на уши. Здесь было меньше людей, и все они двигались осторожно, словно опасаясь потревожить кого-то невидимого, кто мог наказать за излишний шум. Лавки здесь были старые, деревянные, с темными окнами, за которыми угадывались смутные силуэты их обитателей. Стены были покрыты копотью и грибком, а крыши местами прохудились, пропуская внутрь редкие лучи солнца, которые, пробиваясь сквозь щели, создавали в полумраке причудливые световые узоры. Воздух здесь был спертым, застоявшимся, пропитанным запахами старых денег, прелой бумаги и какой-то нездоровой сырости.

Маруся шла по узкому проходу, читая вывески. "Меняль-

ная лавка Гроша". "Ссуды под проценты". "Скупка и продажа". "Золото, серебро, драгоценные камни". Вывески были старыми, выцветшими, некоторые висели на одной петле, а некоторые и вовсе лежали на земле, прислоненные к стенам. Наконец, в самом конце тупика, она увидела то, что искала. Небольшая лавка, зажатая между двумя мрачными складами, с покосившейся вывеской, на которой едва можно было разобрать слова: "Меняла Мороз. Честный обмен".

Вывеска была старой, выцветшей, дерево потрескалось от времени и непогоды, а слово "честный" было зачеркнуто кем-то острым, оставившим глубокие царапины на дереве. Это было красноречивое свидетельство того, что репутация у хозяина лавки была не самой безупречной, и что многие клиенты остались недовольны его услугами. Маруся мысленно усмехнулась. "Честный меняла" — это такое же оксюморонное выражение, как "бедный ростовщик" или "скромный актер". Впрочем, для её целей честность менялы не имела большого значения. Ей нужна была информация, а не деньги.

Она подошла к двери и толкнула её. Дверь скрипнула, издав тот особый, пронзительный звук, который издают лишь очень старые, разохшиеся двери, и колокольчик над ней жалобно звякнул. Внутри было темно и душно. Пахло старой бумагой, воском, плесенью и какой-то затхлостью, слов-

но помещение не проветривали годами, а возможно, и десятилетиями. За прилавком, заваленным монетами, гирьками, весами и какими-то непонятными предметами, назначение которых Маруся не могла определить, сидел старик.

Он был настолько старым, что казалось, будто он стал частью этой лавки, врос в неё, как дерево вырастает в землю. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, похожими на русла пересохших рек, а глаза, слезящиеся и блеклые, смотрели на Марусю с подозрением. Его руки, покрытые старческими пигментными пятнами, лежали на прилавке, и пальцы его, скрюченные, как когти старой птицы, время от времени подрагивали.

— Чего надо? — проскрипел он, и голос его был похож на скрип несмазанной телеги.

Маруся подошла ближе, стараясь выглядеть как можно более безобидной. Она склонила голову, сгорбилась, изобразила на лице робкую улыбку.

— Говорят, у вас можно выгодно поменять серебро на золото, — сказала она, кладя на прилавок несколько монет.

Старик посмотрел на монеты, потом на неё, потом снова на монеты. Его взгляд был цепким, оценивающим, несмотр-

ря на кажущуюся дряхлость. Его пальцы, скрюченные, как когти старой птицы, потянулись к серебру, подхватили одну монету, поднесли к глазам, внимательно осмотрели со всех сторон.

— Можно, — проскрипел он наконец. — Только курс нынче невыгодный. Серебро дешевет.

— А почему? — спросила Маруся, изображая наивное любопытство.

Старик поднял на неё глаза, и в них на мгновение мелькнуло что-то, похожее на интерес, но затем снова погасло.

— А ты будто не знаешь? — спросил он. — Времена нынче смутные. Люди золото прячут, серебро сбывают. Все боятся.

— Чего бояться? — Маруся наклонилась ближе, понизив голос до шепота.

Старик оглянулся по сторонам, хотя в лавке, кроме них, никого не было. Этот жест был чисто инстинктивным, выученным за долгие годы жизни в постоянном страхе.

— Всего, — прошептал он. — Говорят, Хранитель про-

пал. Говорят, за Границей что-то шевелится. Говорят, война будет.

— Война? — Маруся сделала вид, что испугана, прижала руку к груди, расширила глаза. — Какая война?

— Гражданская, — старик поежился, и его плечи затряслись, словно от холода. — Лорды уже грызутся между собой. Кто трон займет, когда король... ну, ты понимаешь.

Он не договорил, но Маруся поняла. Король был стар и болен, его наследник был слишком молод и неопытен, а Лорды-Наместники, каждый из которых правил своей провинцией, уже давно вели борьбу за влияние и власть. Исчезновение Хранителя, который был не только защитником Границы, но и одним из ближайших советников короля, могло стать той искрой, которая подожжет давно тлеющий костер. Маруся покачала головой, изображая расстройство.

— Плохие времена, — сказала она. — А я-то надеялась купить тканей, продать подороже...

— Какие уж тут ткани, — махнул рукой старик. — Вот раньше, до всех этих слухов, тут и не такое продавали. Даже артефакты магические бывали.

Маруся насторожилась. Это был шанс, которого она ждала. Ей нужно было быть осторожной, не выдать своего интереса, но и не упустить момент.

— Артефакты? — переспросила она, стараясь, чтобы в голосе звучало лишь праздное любопытство. — Какие артефакты?

Старик усмехнулся, обнажив редкие желтые зубы, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на гордость за свою осведомленность.

— Разные. И целебные, и защитные, и... всякие. Один тут недавно был. Воин какой-то приходил. Высокий, в плаще с капюшоном. Лица не видно было. Искал что-то особенное.

— Что именно? — спросила Маруся, стараясь, чтобы голос не выдал её истинного интереса.

Старик задумался, потирая подбородок, и его пальцы, скрюченные, с длинными, пожелтевшими ногтями, царапали щетину.

— Амулет какой-то. Древний. Говорил, что от Хаоса защищает. Что без него Граница падет.

— И что, нашел?

Старик покачал головой, и его лицо приняло скорбное выражение.

— Не у меня. Я ему сказал, что тут неподалеку чужеземец торгует. С юга приехал, из-за моря. У него, говорят, всякие диковины были. Может, он к нему пошел.

— Чужеземец? — переспросила Маруся, чувствуя, как её сердце начинает биться быстрее. — А где его найти?

Старик пожал плечами, и его плечи затряслись.

— Да кто ж его знает. Он тут несколько дней торговал, а потом пропал. Как раз после того, как воин тот приходил. Собрался и уехал. Будто испугался чего-то.

Маруся почувствовала, как внутри неё что-то сжимается. Чужеземец, продавший амулет, исчез сразу после визита Ратмира. Это не могло быть совпадением. Это было слишком очевидно, чтобы быть правдой, но и слишком логично, чтобы быть ошибкой.

— А как он выглядел? — спросила она, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно. — Этот чужеземец?

Старик задумался, пытаясь вспомнить, и его лицо исказилось от напряжения.

— Смуглый такой. Волосы черные, глаза темные. Говорил с акцентом. Одежда странная, вся в каких-то узорах. И перстень у него был на пальце, с черным камнем. Большой такой, заметный.

— И куда он уехал?

— Да кто ж его знает. Говорили, что на север. Или на восток. Или вообще за Границу. Тут всякое болтали.

Старик снова оглянулся, словно опасаясь, что его подслушают, и наклонился к Марусе, понизив голос до едва слышного шепота.

— Ты вот что, девонька, — прошептал он, и его дыхание, кислое и неприятное, обдало её лицо. — Не лезь ты в эти дела. Не твоего ума это. Иди лучше тканей купи, да домой возвращайся, пока цела. Тут нынче такие люди ходят, что лучше с ними не связываться.

Маруся кивнула, изображая покорность и испуг.

— Спасибо, дедушка, — сказала она. — Пойду я, пожалуйста.

Она забрала свои монеты, которые старик так и не успел обменять, и вышла из лавки. Дверь за ней закрылась с тихим скрипом, и Маруся оказалась в полумраке узкого прохода. Она остановилась на мгновение, переводя дыхание и осмысливая полученную информацию.

Итак, у неё была зацепка. Чужеземец, торговавший магическими артефактами. Смуглый, с перстнем с черным камнем. Он разговаривал с Ратмиром незадолго до его исчезновения, а потом сам исчез. Это было похоже на след. След, который мог привести её к пропавшему Хранителю. Или к его похитителям. Или к его убийцам. В любом случае, это было лучше, чем ничего.

Маруся направилась обратно, в шумную часть рынка. Нужно было разузнать больше об этом чужеземце. Кто он, откуда, чем торговал, с кем общался. Рынок — это огромная паутина слухов, в которой застревает любая информация, сказанная хотя бы раз. Нужно было только найти нужные нити и потянуть за них, осторожно, чтобы не оборвать.

Она снова влилась в толпу, но теперь двигалась с другой целью. Она прислушивалась к разговорам, ловила обрывки

фраз, наблюдала за людьми. Она знала, что на любом рынке есть свои центры информации — лавки, где собираются сплетники, углы, где шепчутся торговцы, прилавки, за которыми обсуждаются последние новости. Эти места были невидимы для непосвященных, но Маруся умела их находить.

Одним из таких мест была лавка старухи, торговавшей специями. Маруся заметила, что вокруг неё постоянно крутятся люди, в основном женщины, которые делают вид, что выбирают перец или корицу, а на самом деле обсуждают последние события. Она подошла ближе, делая вид, что изучает мешочки с сушеными травами. Запах специй здесь был особенно сильным, почти одуряющим: корица, гвоздика, мускат, кардамон, имбирь, перец — все смешивалось в один пряный, дурманящий аромат, который щекотал ноздри и вызывал легкое головокружение.

— А я тебе говорю, что он не просто так пропал, — шептала одна женщина, полная, с корзиной в руках, наполненной какими-то овощами. — Он что-то знал. Что-то такое, за что его и убрали.

— Да кто его уберет-то? — возражала другая, худая, с острым носом и маленькими, бегающими глазками. — Он же сам сильнее всех был. Его ни один меч не брал.

— Мечом, может, и не возьмешь, — многозначительно сказала первая. — А предательством — запросто. Говорят, что кто-то из своих его сдал.

Маруся сделала вид, что заинтересовалась мускатным орехом, а сама продолжала слушать. Она стояла так, чтобы видеть лица говоривших, но не встречаться с ними глазами.

— А чужеземец тот, что тут торговал, — вдруг сказала худая, понизив голос до шепота, — говорят, он не просто так сюда приехал. Говорят, он оттуда. Из-за Границы.

— Да ну, — ахнула полная, и её щеки затряслись. — Из-за Границы? А как же он прошел? Там же ничего живого нет.

— А вот как прошел, так и ушел, — ответила худая. — И никто его не остановил. Потому что кому-то сверху это было выгодно.

Маруся наострила уши. Информация становилась всё интереснее. Чужеземец из-за Границы? Это меняло дело. Если он действительно пришел из-за Границы, значит, у него были способы пересечь её, а это было невозможно без магии. Или без помощи того, кто обладал магией.

— А куда он делся-то? — спросила полная.

— Говорят, в "Золотом кабане" останавливался, — ответила худая. — Ну, знаешь, постоялый двор у западных ворот. Он там комнату снимал. А потом, как воин тот пропал, он и съехал. Ночью, ни с кем не попрощавшись.

Маруся запомнила: "Золотой кабан", постоялый двор у западных ворот. Это была следующая цель. Но прежде чем идти туда, нужно было еще кое-что выяснить. Нужно было проверить, не пустышка ли эта информация, не очередной ли это рыночный слух, порожденный страхом и невежеством.

Она купила у старухи небольшой мешочек с сушеным тимьяном, чтобы не вызывать подозрений, и двинулась дальше по рядам. Она знала, что на рынке есть еще одно место, где можно добыть информацию, — меняльные лавки, где собирались люди, которым нужно было срочно продать что-то ценное. Эти люди обычно знали много и охотно делились знаниями за небольшую плату. Они были отчаянными, загнанными в угол, и их отчаяние делало их разговорчивыми.

Маруся шла мимо рядов, когда вдруг почувствовала, что кто-то пристально смотрит на неё. Это было особое чувство, выработанное годами тренировок и практики: ощущение чужого взгляда, сверлящего спину, как раскаленный прут. Она

не обернулась — это было бы ошибкой, которая выдала бы её с головой. Вместо этого она остановилась у прилавка с посудой, делая вид, что разглядывает глиняные горшки, и осторожно скосила глаза, пытаясь увидеть отражение в начищенном медном котле, висевшем на стене.

Он стоял у входа в один из проходов. Высокий, широкоплечий, в форме капитана городской стражи. Он был слишком хорошо одет для патрульного, слишком уверенно держался, слишком внимательно смотрел. Его форма была из дорогого сукна, с серебряными пуговицами, а плащ, накинутый на плечи, был подбит алым шелком. Его глаза, светлые, почти серые, неотрывно следили за Марусей, и на его губах играла легкая, насмешливая улыбка. Он не пытался скрыть своего интереса, и это было тревожно.

Маруся поняла, что он заинтересовался ею. Возможно, он заметил, что она слишком долго крутится на рынке, задает слишком много вопросов, слишком пристально слушает чужие разговоры. А возможно, его просто привлекла её внешность — такое тоже случалось. В любом случае, это было опасно. Она не могла позволить себе привлекать внимание городской стражи, особенно сейчас, когда она была так близка к цели.

Она сделала вид, что не заметила его, и направилась в дру-

гую сторону, стараясь двигаться как можно более естественно. Она ныряла в толпу, петляла между прилавками, сворачивала в узкие проходы, надеясь затеряться в человеческом море. Но капитан, казалось, не отставал. Она чувствовала его взгляд спиной, как чувствуют приближение грозы — по сгущающейся атмосфере, по легкому покалыванию в затылке, по инстинктивному желанию ускорить шаг.

Наконец, она свернула в особенно узкий проход, заставленный ящиками с гниющими фруктами, и на мгновение остановилась, переводя дыхание. Толпа здесь была реже, и Маруся поняла, что дальше бежать бессмысленно. Капитан, если он действительно следил за ней, уже знал, что она заметила его, и дальнейшее бегство лишь подтвердило бы его подозрения. Нужно было действовать иначе.

Она выпрямилась, поправила платок и решительно направилась к выходу. Если капитан хочет с ней поговорить, пусть говорит. Лучше встретить опасность лицом, чем пытаться убежать от неё. В конце концов, она была обучена не только прятаться, но и сражаться, если потребуется. Хотя, конечно, сражаться с капитаном городской стражи в центре рынка было бы крайне неразумно.

Она уже почти дошла до выхода с рынка, когда он появился перед ней, словно из ниоткуда. Он встал прямо на её пути,

и Марусе пришлось остановиться, чтобы не врезаться в него. Он был еще выше, чем она думала, и его фигура, облаченная в форму, излучала силу и уверенность.

— Прошу прощения, госпожа, — сказал он, и его голос был глубоким, с легкой хрипотцой, какой бывает у людей, привыкших командовать. — Не подскажете, который час?

Маруся подняла глаза и встретила с ним взглядом. Вблизи он выглядел еще более внушительно. Высокий, с широкими плечами, с темными волосами, небрежно падавшими на лоб, с волевым подбородком и глазами, в которых плясали насмешливые искорки. Форма капитана сидела на нем идеально, подчеркивая мускулистую фигуру, а на поясе висел длинный меч, рукоять которого была украшена серебряной насечкой. Он был красив той особенной, грубой красотой, которая свойственна воинам, и эта красота была опасной.

— Я не ношу часов, господин капитан, — ответила Маруся, стараясь, чтобы голос звучал как можно более скромно и испуганно. — Простите, мне нужно идти.

Она попыталась обойти его, но он ловко преградил ей путь, сделав шаг в сторону.

— Куда же так спешит прекрасная госпожа? — спросил он с улыбкой. — Рынок только начинает жить. Неужели вы уже сделали все покупки?

— Мне нужно вернуться в гостиницу, — ответила Маруся, опуская глаза, изображая смущение. — Меня ждут.

— Ждут? — капитан приподнял бровь. — И кто же, если не секрет?

— Отец, — ответила Маруся. — Мы приехали вместе. Он остался в гостинице, а я пошла за тканями.

— За тканями? — капитан оглядел её с головы до ног, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сомнение. — Странно. Я наблюдаю за вами уже полчаса, и вы ни разу не подошли ни к одному прилавку с тканями. Зато у прилавка со специями вы задержались надолго. И у меняльной лавки.

Маруся почувствовала, как внутри неё всё сжимается. Он следил за ней. Он видел всё. Это было плохо. Очень плохо. Её легенда была раскрыта, и нужно было срочно придумать новую, или хотя бы как-то выкручиваться из этой ситуации.

— Я просто... — начала она, но капитан перебил её.

— И еще странно, — продолжил он, делая шаг ближе, — что дочь разорившегося купца, приехавшая закупать ткани, разгуливает по рынку с выправкой наемницы и взглядом человека, который привык оценивать обстановку.

Он наклонился ближе, так что его лицо оказалось в нескольких дюймах от её лица. Маруся чувствовала запах кожи, металла и чего-то еще — возможно, дорогого мыла, которым он мылся. Его дыхание было ровным и спокойным, в отличие от её собственного, которое она с трудом сдерживала.

— Кто вы? — спросил он тихо, и в его голосе больше не было насмешки. — И что вы ищете на рынке?

Маруся подняла глаза и встретила с ним взглядом. Она видела, что он не отступит. Врать бесполезно — он уже раскусил её легенду. Значит, нужно было играть по-другому. Нужно было показать зубы, дать понять, что она не беззащитная жертва, с которой можно делать всё, что угодно.

— А вы кто? — спросила она, и её голос изменился, утратив провинциальную мягкость и приобретя твердость. — Капитан городской стражи, который следит за бедными торговками? Или кто-то еще, кто маскируется под капитана?

Его глаза на мгновение расширились от удивления, а затем он рассмеялся. Смех был искренним, заразительным, и на мгновение Марусе показалось, что она видит перед собой не опасного преследователя, а просто уставшего человека, которому стало скучно. Впрочем, это могло быть лишь иллюзией, частью его игры.

— А вы дерзкая, — сказал он, отсмеявшись. — Это интересно.

— Вы так и не ответили, — напомнила Маруся.

— Капитан Ярослав Криг, — представился он с шутливым поклоном. — К вашим услугам. И нет, я не слежу за бедными торговками. Я слежу за порядком на рынке. А вы, госпожа... как вас зовут?

— Марика, — ответила Маруся, используя имя из своей легенды.

— Марика, — повторил он, пробуя имя на вкус, и его губы растянулись в улыбке. — Красивое имя. Но что-то мне подсказывает, что оно не настоящее.

— Какая разница? — спросила Маруся. — Имя — это

всего лишь звук.

— Верно, — согласился он. — Но звук может рассказать о человеке многое. Как и его походка. И его манера держаться. И его выбор покупок на рынке.

Он снова оглядел её, и на этот раз в его взгляде было не подозрение, а скорее любопытство. Он изучал её так, как изучают интересную загадку или редкий экземпляр.

— Скажите, Марика, — произнес он, — что вы ищете? Может быть, я смогу вам помочь? В конце концов, я знаю этот рынок лучше, чем кто-либо.

Маруся колебалась. Она понимала, что отказ вызовет еще больше подозрений. Но и доверять ему она не могла. Он был стражником, а она — той, кто не должна привлекать внимание стражников. Одно неверное слово, одно неверное движение — и она могла оказаться в темнице, а то и на допросе у людей, которые не слишком церемонятся с подозреваемыми.

— Я ищу кое-кого, — сказала она наконец. — Человека, который мог бы знать кое-что о... об одном товаре.

— О каком товаре? — спросил он.

— Об амулетах, — ответила Маруся, наблюдая за его реакцией. — Магических амулетах.

Его лицо на мгновение стало серьезным. Он оглянулся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто, и снова посмотрел на неё. В его глазах больше не было насмешки, только холодная, оценивающая внимательность.

— Магические амулеты — это опасная тема, — сказал он тихо. — За торговлю ими можно попасть в темницу. Или на костер.

— Поэтому я и спрашиваю осторожно, — ответила Маруся.

Капитан помолчал, изучая её лицо. Затем он медленно кивнул, словно приняв какое-то решение.

— Хорошо, — сказал он. — Я помогу вам. Но не здесь. Встретимся вечером, в "Золотом кабане". Знаете, где это?

Маруся едва сдержала удивление. "Золотой кабан". Тот самый постоянный двор, где останавливался чужеземец. Совпадение? Или он специально выбрал это место? Может быть, он знает больше, чем говорит? Может быть, он тоже ищет чужеземца? Или он сам связан с его исчезновением? Вопрос

сы множились, и ни на один из них у неё не было ответа.

— Знаю, — ответила она.

— Тогда до вечера, — сказал капитан и, отвесив шутливый поклон, растворился в толпе.

Маруся осталась стоять, глядя ему вслед. Сердце билось часто, а в голове крутились десятки мыслей. Кто он такой? Почему он помог ей? Что ему нужно? И, главное, можно ли ему доверять? Она знала, что в её положении доверять нельзя никому. Но также знала, что иногда приходится рисковать, чтобы добиться цели.

Она не знала ответов. Но знала, что вечером ей предстоит встреча, которая может изменить всё. Встреча, которая может привести её к Ратмиру. Или к её собственной гибели.

Она сжала в кармане амулет Ратмира, который всё еще был теплым, и направилась к выходу с рынка. День только начинался, а она уже нашла зацепку, привлекла внимание городской стражи и, возможно, обрела неожиданного союзника. Или врага. Пока было трудно сказать, кем окажется капитан Криг. Девять дней. У неё оставалось девять дней. И каждый из них теперь был на вес золота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.